

Светлана Алексеевна Мартьянова

*кандидат филологических наук,
доцент, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы,
Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
(Владимир, Российская Федерация)
martyanova62@list.ru*

БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ И ОБРАЗЫ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Аннотация: Автор статьи выявляет, описывает и интерпретирует библейские аллюзии в тексте романа А. И. Солженицына «В круге первом». Утверждается, что многие библейские персонажи и сюжеты как названные (Моисей, Иисус Христос, Дева Мария, Иуда), так и угадываемые в тексте, являются прототипическими по отношению к героям и действию произведения. Библейские реминисценции формируют сверхсюжет художественного мира романа, задают религиозно-философскую перспективу понимания ценностных ориентаций и поведения персонажей. Раскрывается значимость библейского контекста для понимания нравственных и философских поисков героев, ищущих ответа на вопрос о счастье, благе, душе, совести, дружбе, творчестве, истинности «передового мировоззрения». Особое внимание уделено теме Рождества Христова: говорится о ее значении для формирования художественного времени, изображения отдельных героев (Володин, Рубин), проводится параллель «Сталин-Ирод». Подчеркивается, что Солженицын-писатель не копирует действительность, а изображает ее в свете Библии и евангельского идеала, создавая оригинальную концепцию судьбы человека в тоталитарном обществе и возвращая читателя к вытесненным советской идеологией религиозным ценностям.

Ключевые слова: тема, художественный образ, аллюзия, реминисценция, Библия, персонаж, ценностные ориентации, литературная классика

Исследователи романа А. И. Солженицына «В круге первом» сосредоточены в первую очередь на политической проблематике романа, пишут о мотивах тираноборчества как основе замысла, этических аспектах измены Родине, мировоззренческих спорах героев. Вневременные аспекты романа как художественного текста пока остаются в тени исследовательского интереса и внимания. Все это объясняется условиями создания романа, его бытования, социокультурными аспектами восприятия.

Вместе с тем отец Александр Шмеман, О. Клеман, П. Равич, Н. Струве поставили вопрос о религиозном значении творчества писателя, а М. Евдокимов указал на символический характер имени Иннокентий и названия деревни Рождество [7]. Работ подобного рода пока немного. Разработка темы требует обращения к творчеству писателя в целом. В рамках статьи ограничимся локальной целью — описание и интерпретация библейских тем и образов в составе художественного мира романа «В круге первом».

Библейский план в общей композиции романа сложен и многообразен. Он реконструируется на основе реминисценций, явных или косвенных (упоминания отдельных персонажей, мотивов, образов) и формирует сверхсюжет произведения. Данный сверхсюжет включает в себе определенную систему ценностей, образующую религиозно-философскую перспективу героев романа и их судеб. Два плана произведения не противопоставлены, а соотносятся друг с другом, образуя множество параллелей и взаимосвязей.

Из библейских персонажей в романе фигурируют Моисей (как герой баллады Льва Рубина, пытающегося религиозно осмыслить состояние нового, социалистического, рабства), Иуда (три рубля почтовых сборов от гонораров стукачей легко ассоциируются с тридцатью сребренниками), Иисус Христос (в описании надежды на то, что арестантов отправят все-таки не в лагерь и рассказе об отобранной у одного из арестантов Нагорной проповеди). Библейские ассоциации помогают создать образ советской действительности, построенной за счет исключения, подавления религиозности, которая веками формировала личностную идентичность и помогала человеку понять окружающую его реальность. Солженицын показывает, что только вытесненная религиозная точка зрения позволяет уяснить подлинный смысл событий в «передовом» государстве, построенном на основе «диалектического материализма». Само передовое мировоззрение выглядит при этом не более чем субъективным мифом, имеющим в том числе «адское», «демоническое» измерение.

Особенно поэтично, с подчеркнутой опорой на один из любимых русскими классиками (А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский) мотивов заходящего солнца, подается в романе образ Девы Марии. Так, Агния и Яконов заходят в церковь. В описании пространства, интерьера храма преобладает мотив света, заходящего солнца и свечей. Этот свет позволяет увидеть внешность ранее казавшейся некрасивой героини преображенной, так как он «вернул щекам Агнии жизнь и теплоту». Кульминацией фрагмента становится описание канона Рождеству Пресвятой Богородицы, наполненное хвалами и эпитетами Деве Марии. Эпизод завершается лаконичными и прямыми солженицынскими формулировками, в которых сливаются голоса автора и героя:

Канон писал не бездушный церковный начетчик, а неизвестный большой поэт, полоненный монастырем, и был он движим не короткой мужской яростью к женскому телу, а тем высшим восхищением, какое способна извлечь из нас женщина (142—143)¹.

Вместе с тем эпизод посещения церкви становится точкой окончательного разрыва Агнии и Яконова.

Библейский подтекст имеют споры героев о добре и зле, жалости, доброте и совести. При этом отрицание души и совести трактуется как «комсомольское» начало, чреватое «мифистофельским». Иннокентий Володин вопреки утверждению мифологизированного советского героя Павки Корчагина и своим прежним убеждениям открывает нравственный закон, что «совесть тоже дается нам один только раз». Это утверждение становится названием шестидесятой главы в романе. Дядя Иннокентия Володина напоминает племяннику правоту библейской истины о том, что «грехи родителей падают на детей» (376). В разговоре о дружбе за «именинным столом» в честь юбилея Нержина художник Кондрашёв ставит вопрос о подлинной дружбе в евангельском контексте:

Но, сказать по правде, до фронта и до тюрьмы не верил я в дружбу, особенно такую, когда, знаете... «жизнь свою за други своя». Как-то в обычной жизни — семья есть, а дружбе нет места, а? (342).

На протяжении всего романа неоднократно встает вопрос о том, что считать счастьем, удачей или неудачей. Сталин

стал во главе целой страны, а мать считала его неудачником, так как из него не получился священник. Яконов шесть лет, проведенные в тюрьме, считал «величайшей неудачей своей жизни», а вместе с тем, достигнув вершин видимой власти, переживает безнадежное отчаяние. Изображение Яконова сидящим на «горке острых обломков на паперти церкви Никиты Мученика» напоминает «Сказку о золотой рыбке»: герой со своим суетным желанием во что бы то ни стало утвердиться в «процессе жизни», оказался у разбитого корыта. Агния, напротив, выбирает путь веры, вечные ценности и сохраняет цельность своей души. Нержин, Хоробров, Герасимович, Нержин, отправляясь в лагерь навстречу своим страданиям, обретают мир с самими собой.

Изображение героев, выбирающих путь страданий ради верности истине, тоже имеет библейский прототип. Он выявляется при сопоставлении романа с «Одним днем Ивана Денисовича», где баптист Алеша читает послание апостола Петра:

Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или как вор, или злодей, или как посягающий на чужое. А если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (1Пет. 4:15).

В отдельных случаях библейские образы выступают в качестве архетипов по отношению к романным. Так, в описании пиров Сталина угадываются черты рассказов о культе Веельзевула. Имена, с помощью которых Сталин мифологизирует свою личность («Император Планеты», «Император Земли», «Величайший из всех великих», «Мудрейший из Мудрейших», «Всесильный»), — очевидно, дьявольская пародия на спор об именах Божьих. Восходящая к Книге книг антропология и демонология обнаруживают себя в обрисовке отдельных персонажей: «демонически захохотал», «дети бездны».

Из библейских сюжетов для романа «В круге первом» особое значение имеет сюжет Рождества Христова. Исследователи говорят о нем в связи с описанием заброшенной церкви в деревне Рождество и справедливо отмечают символический характер эпизода. Так, Жорж Нива отмечает: «И все же эта неузнаваемая Россия, отданная на поругание

захватчикам и "лютым князьям", возвращает Иннокентию Володину нравственное сознание и возвращает смысл его жертве» [10, 150]. Идею французского исследователя развивает М. Голубков [2]. Однако это далеко не единственный в романе эпизод рождественской тематики.

В первую очередь, праздник Рождества Христова формирует романное время произведения. Действие начинается в канун западного Рождества (Иннокентий Володин решает выдать государственную тайну именно в это время) и накануне Рождества заканчивается (арестантов отправляют в лагерь). Рождество как рождение новой эры человеческого бытия, новой точки отсчета, для которой правда, совесть и праведность обретают первостепенное значение, соотносено с судьбой конкретного человека. Совпадение начала внутренних перемен в Иннокентии Володине именно с рождественскими днями снова, как и в рассказе о поездке в деревню Рождество, знаменует рождение иного, несоветского миропонимания в душе советского дипломата. Не случайно по соседству с полуразрушенной церковью в деревне Рождество устроен скотный двор. Это придуманное властями унизительное и кощунственное соседство неожиданно оборачивается иным смыслом: ситуация рождения Спасителя мира предстает вечной.

Можно предположить, что соотносённость романного времени с рождественской тематикой имеет литературный источник — «Белую гвардию» М. А. Булгакова. В пользу предположения говорит 22 глава романа, где о Сталине сказано:

И хотя советовали ему Булгакова расстрелять, а белогвардейские «Дни Турбиных» сжечь, какая-то сила подтолкнула его локоть написать: «допустить в одном московском театре» (125).

Действие романа «Белая гвардия», как и написанной на его основе пьесы «Дни Турбиных», разворачивается на фоне Рождества: «Уже отсвет Рождества чувствовался на снежных улицах. Восемнадцатому году скоро конец».

Рождественская тематика у Солженицына — это тот свет, который «и во тьме светит». Он помогает увидеть в хаосе времени вечное и незыблемое, дать шанс человеку спасти свою душу и сохранить ее чистой. Далеко не случаен «выход»

Иннокентия Володина навстречу своим страданиям накануне Рождества. По словам С. С. Аверинцева, Рождество — это не только идиллия: «история Голгофы начинается в Вифлееме» [1].

Перекличка романного времени с Рождественскими днями не исчерпывает всего контекста присутствия сюжета Рождества в романе. Образ Сталина в контексте этого сюжета явно соотносится с образом царя Ирода, напускающего на себя важность и силу, а на самом деле являющегося тираном и самозванцем, ложным царем. Параллель «Сталин-Ирод» в романе не названа прямо, но она очевидна.

Евангельский сюжет Рождества становится в романе Солженицына предметом размышлений и переживаний героев. Эти размышления группируются вокруг нескольких тем: Рождество «здесь», в советской России, и Рождество «там», на Западе, изобилие — скудость, домашняя идиллия — бездомье. Подчеркивается, что «там» в эти дни объявляются двухнедельные каникулы, а «здесь» не знают никакого праздничного отдыха, пребывая на работе и после пяти часов вечера. Празднование Рождества на Западе оборачивается относительным земным благополучием, а «ударный труд» в эти дни не приносит ни избытка, ни довольства даже в такой богатой стране, как Россия.

В романе, говоря далее, рассказывается, как отмечают Рождество немецкие и латышские арестанты (глава «Протестантское Рождество»). Елкой здесь служит «сосновая веточка, воткнутая в щель табуретки» (16), столом — сдвинутые тумбочки, угощеньем — рыбные консервы, кофе и самодельный торт. По горькой иронии судьбы здание шарашки находится в помещении семинарии, приспособленном под тюрьму. Камерой стало и предалтарное пространство семинарской церкви, а двери, которые вели на работу, арестанты иронично переименовали «царскими вратами». То, что когда-то было для людей земным преддверием рая (Церковь и ее ценности), превратилось в «круг ада».

Вместе с тем примиряющий характер Рождества ощущается и в этом эпизоде. Участники праздника, среди которых — еврей Рубин, стараются избегать спорных тем или

конфликтных ситуаций. При этом в праздновании Рождества объединяются не только верующие и не только зэки, но и слуги сталинского режима, как, например, Климентьев, разрешивший елку.

Для других героев пребывание в тюрьме открывает подлинный смысл праздника. Так, Хоробров, раньше никогда не отмечавший ни Рождество, ни Пасху, на шарашке начал их праздновать «из духа противоречия», так как эти дни «не знаменовались ни усиленным обыском, ни усиленным режимом», а в дни советских праздников (7 ноября, 1 мая) затевал стирку. При этом он подчеркивает, что будет праздновать именно Рождество, так как «елка — это Рождество, а не новый год» (175).

Рождество затрагивает и действия преданных партийцев в романе. Сообщается, что встреча Рождества не была запретным деянием, но оперуполномоченный Мышин, остающийся работать в субботний вечер, старательно и методично пишет распоряжение «прекратить этот безобразный религиозный разгул» (156). Герой, как человек с «партийным сердцем», отдает распоряжение из идейных соображений, приказа свыше на этот счет не поступало.

Таким образом, сюжет Рождества и организует календарное, хроникальное время романа, и является «узловой» точкой отсчета событий, обнаружения их евангельского смысла. В романе подчеркнуто, что празднование Рождества выполняет объединяющую и примиряющую роль. Сюжет Рождества также служит путеводной звездой в поисках героями смысла своего существования и подлинной России. Персонажи романа Солженицына и их судьбы соотносятся также с действующими лицами евангельской истории.

Не менее важным значением наделен в художественном мире романа образ Христа в Гефсиманском саду. Он появляется в финале, где говорится о последней надежде арестантов, ожидающих, что они, возможно, будут отправлены не в лагерь, а на другую шарашку:

Ибо и Христос в Гефсиманском саду, твердо зная свой горький выбор, все еще молился и надеялся (603).

Отсылка к Библии бросает ответ на очень подробное, растянутое во времени, описание последнего обеда арестантов на шарашке. Если в описании других, условно говоря, «трапез», преобладают намеки на «пиры» пушкинского лицейского братства, то в рассказе о последнем обеде отчетливо проступают черты Тайной Вечери как собрания перед последними испытаниями и страданиями. Лучшие герои Солженицына (независимо от религиозной идентичности каждого) принимают страдальческий крестный путь ради «мира с самими собой», то есть, мира со своей совестью.

Библейский план солженицынского повествования просматривается в тех эпизодах романа, где упоминаются классики европейской и русской литературы, чья связь с религиозной христианской традицией очевидна: Данте, Шекспир, Гете, Достоевский. В «Круге первом» соотносительность с произведениями западноевропейской и русской классики имела почти революционный по отношению к советскому режиму характер, поскольку речь идет о литературных изгнанниках советского времени. Если творчество писателя не исключалось из школьной программы, то смысл его подавался в идеологически заданном ключе, провоцируя утрату читателями подлинного смысла. Вот что сообщает Солженицын в своем романе о литературных репутациях классиков в советских школах:

И вся-то литература состояла в школе из усиленного изучения, что хотели выразить, на каких позициях стояли и чей социальный заказ выполняли все писатели эти и еще потом советские русские и братских народов (243).

К этим суждениям примыкает свидетельство о советской литературе, посвященной Сталину:

А русские писатели, смевшие вести свою родословную от Пушкина и Толстого, удручающе-приторно хвалословили тирана (213).

Солженицын показывает дезориентирующий характер репутаций литературных классиков в советское время и обедняющий характер социально-классового подхода, ничего не говорившего о «самом главном в жизни». Вместе с тем писатель не склонен разочаровываться в литературе

как таковой и демонстрирует — в противовес эпохе — свою причастность отвергнутой, гонимой или оболганной классической традиции. Особенно настойчиво обращение писателя к именам Данте, Гете, Пушкина, Толстого, Достоевского. Важен смысл соединения этих имен в одном произведении. Для Солженицына они знаменуют восходящие к библейской традиции «узловые точки» культуры, дающие ключ к пониманию «кривой» человеческой истории. Особенно значимым, по-видимому, является пример Ф. М. Достоевского, использовавшего «разнообразные аллюзийные средства и приемы» в своих великих романах [4, 57].

Подытоживая сказанное, вспомним слова Льва Лосева, писавшего о «литературности» сюжетных ходов произведения: «Выраженная таким образом идея спасения России через обращение ее к высококой культуре очевидна» [3]. В своей статье мы стремились показать, что в сферу «высокого» у Солженицына попадают также Библия и христианские ценности, на основе которых и создавалась тысячелетняя «высокая культура».

Примечания

- ¹ Солженицын А. И. В круге первом. Роман. М.: «Наука», 2006. С. 365. Здесь и далее текст романа «В круге первом» цитируется по этому изданию. В круглых скобках указывается страница книги.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Вифлеемская пещера // ЛГ-Досье. 1991. Январь. С. 8.
2. *Голубков М. М.* «В круге первом». Опыт монографического анализа. [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=672 (31.08.2013).
3. *Лосев Л.* Поэзия и правда у Солженицына. [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1158 (10.09.2013)
4. *Ляху В.* Люциферов бунт Ивана Карамазова. Судьба героя в зеркале библейских аллюзий. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. 282 с.
5. *Нива Ж.* Солженицын. М.: Худож. лит., 1992. 191 с.
6. *Плетнев Р. А. И.* Солженицын. Paris: YMCA-Press, 1973. 173 с.

7. Струве Н. Религиозное значение творчества А. И. Солженицына // Путь Солженицына в контексте большого времени. Сборник памяти. 1918–2008. М.: Русский путь, 2009. С. 131–136.

Svetlana Alexeyevna Martyanova

*Ph.D. in Philology,
Head of the Department of Russian and Foreign Literature,
Associate Professor of Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs
(Vladimir, Russian Federation)
martyanova62@list.ru*

BIBLICAL THEMES AND IMAGES IN ALEXANDER SOLZHENITSYN'S NOVEL THE FIRST CIRCLE (V KRUGE PERVOM)

Abstract: The author identifies, describes and interprets the biblical allusions in Alexander Solzhenitsyn's novel *The First Circle (V Krug Pervom)*. It is assumed that many of the biblical characters and stories, mentioned (Moses, Jesus Christ, Holy Mary, Mother of God, or Judas) or implied in the novel, are prototypical to its heroes and storylines. Biblical allusions form the overarching storyline (metaplot), and create the religious and philosophical perspective of understanding the value orientations and behavior of the characters. The article reveals the significance of the biblical context for understanding the moral and philosophical search of its heroes, their reflections on happiness, well-being, soul, conscience, friendship, creativity, truth, genuineness and authenticity of marxism as "leading-edge thinking". Special attention is given to the subject of Christmas: the article explains what it means for the formation of artistic time or images of individual characters (Volodin and Rubin), and draws a parallel between Stalin and Herod. It is emphasized that Solzhenitsyn as a writer did not copy reality, but portrayed it in light of the Bible and the Gospel ideal, creating the original concept of man's destiny in a totalitarian society and reintroducing to readers religious values, which were excluded from a human being by Soviet ideology.

Keywords: theme, artistic image, allusion, reminiscence, the Bible, character, value orientations, literary classics

References

1. Averintsev S. S. Vifleemskaya peshchera [Bethlehem Cave]. *LG-dos'e [Literary Newspaper-Dossier]*, 1991, January. Issue, p. 8.
2. Golubkov M. M. «V krug pervom». *Opyt monograficheskogo analiza [Monographic Analysis of Alexander Solzhenitsyn's Novel "The First Circle"]*. Available at: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=672 (accessed 31 August 2013).

3. Losev L. *Poeziya i pravda u Solzhenitsyna* [Poetry and Truth in Alexander Solzhenitsyn's Proze]. Available at: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1158 (accessed 10 September 2013).
4. Lyakhu V. *Lutsiferov bunt Ivana Karamazova. Sud'ba geroya v zerkale bibleyskikh alluziy* [Lucifer's Rebellion of Ivan Karamazov. The Fate of the Hero in the Mirror of Biblical Allusions]. Moscow, Biblical-Theological Institute of Andrew the Apostle Publ., 2011. 282 p.
5. Niva Zh. *Solzhenitsyn* [Solzhenitsyn]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1992. 191 p.
6. Pletnev R. *A. I. Solzhenitsyn* [Alexander Solzhenitsyn]. Paris, YMCA-Press Publ., 1973. 173 p.
7. Struve N. Religioznoe znachenie tvorchestva A. I. Solzhenitsyna [Religious Significance of Alexander Solzhenitsyn's Works]. *Put' Solzhenitsyna v kontekste bol'shogo vremeni. Sbornik pamyati. 1918–2008* [Alexander Solzhenitsyn's Path in the Context of "Big Time". Honorary Collection of Articles. 1918–2008]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2009, pp. 131–136.